

Проза

ру

Надо сказать, что мне повезло в жизни... Мне везло много - во всем и везде, но самое главное мое везение заключается в людях, которые встречаются в жизни. И самое главное мое богатство заключается в живом теплом человеческом общении с этими людьми. И если бы у меня не было этого общения – то зачем тогда жить на этом свете, для чего и для кого? Одним из таких людей, с которым меня свела воля божья, а иначе это назвать нельзя, является Роллан Сейсенбаев, и с момента встречи с ним моя жизнь изменилась, очень круто и навсегда. Первый раз мы с ним встретились... Уже не помню когда конкретно, по-моему – ранней весной... Но это не важно, главное – что встретились... Тогда Казахстанский пресс-клуб находился на втором этаже «Аспирина», так в народе называли здание Агентства по стратегическому планированию, которое и сейчас стоит на старой площади напротив ЦУМа. Я пришел на пресс-конференцию. Просто пришел на пресс-конференцию, которые в те времена – в первые годы существования Астаны, как столицы Казахстана, проводились в буквальном смысле по десять раз на дню. Я работал корреспондентом, если не изменяет память, на «Радио Астана», время от времени читал информацию в эфире и занимался репортерскими делами – бегал по всему городу с события на событие, с мероприятия на мероприятие. Иногда приходилось идти на пресс-конференцию даже не зная, чему она будет посвящена. Ничего, на месте разберешься – говорили в редакции. Эта пресс-конференция была из той же серии – просто позвонили и сказали - во сколько и где. То ли презентация какого-то журнала, то ли серии книг... Короче говоря, я шел даже не зная куда и зачем. До начала пресс-конференции еще оставалось время и я на лестнице притормозил возле открытой форточки, чтобы покурить. Я только успел прикурить, как с лестницы ко мне на площадку спустился какой-то человек. В руке он вертел тоненькую щегольскую сигаретку. Даже не дожидаясь, пока незнакомец меня попросит, я сам протянул ему на встречу руку и щелкнул зажигалкой. Незнакомый человек – невысокого роста плотного телосложения – прикурил и поблагодарил меня. Некоторое время мы курили молча, смотрели в окно, наблюдали как просыпается мир от зимней спячки, затем незнакомец меня спросил где я работаю. Я ответил... Затем он спросил какая погода была в Астане, я опять ответил... О чем-то еще мы говорили... Потом на лестницу вышла Шолпан и сказала, что уже пора начинать пресс-конференцию. Мы по последнему разу затянулись, почти одновременно выкинули наполовину выкуренные сигареты и вместе пошли в зал. Только незнакомец пошел за стол, где уже лежали книги и журналы, а я сел на кресло в зале вместе с коллегами-журналистами. Как вы уже догадались, этим невысоким плотным человеком был Роллан Шакенович и вот так мы с ним вместе встретились в первый раз. На пресс-конференции он рассказывал о своем проекте – республиканском журнале литературы мира «Аманат», о начале нового проекта – издании 200-томной библиотеки журнала «Аманат», в которую войдут лучшие произведения выдающихся писателей планеты. Но зацепило меня другое – Роллан Шакенович на пресс-конференции сказал, что ищет и будет издавать в журнале «Аманат» произведения молодых авторов. К тому времени у меня уже было написано две повести и были наброски цикла казахских рассказов. За одну повесть – «Май 94» - как за проблемного маленького ребенка, душа у меня болела большего всего. Ей тогда исполнилось уже семь лет, я ее возил в Москву, ходил с ней по издательствам, показывал Георгию Данелия. Он ее неделю читал, потом его секретарь сказала, что произведение хорошее, но в работу он ее не возьмет никогда. Так же «никогда» мне ответили в московских, а потом и в казахстанских издательствах. Ибо повесть была о русских наемниках, воевавших на чеченской стороне в первой кавказской войне. И болела у меня душа, потому что жгло ее это слово «никогда»... И подымалось у меня все внутри, протестуя против этого «никогда» и дал я себе слово, что не напишу ни строчки, пока не

выйдет в свет эта повесть. А внутри кипели мысли, сюжеты, образы будущих рассказов, рвались наружу, но я не выпускал их и поэтому они жгли мою душу. Я уже и не надеялся ни на что, и к словам Роллана Шакеновича отнесся весьма равнодушно. Но подошел после пресс-конференции и сказал, запинаясь, что вот-де есть у меня повесть, но она – дома и как бы мне ее показать... После пресс-конференции возле стола, журналов и книг, возле Роллана Шакеновича был рой большого количества людей, он был очень занят - отвечал сразу на несколько вопросов одновременно, раздавал автографы, но промеж делом он все-таки сумел сказать что остановился в гостинице «Турист» (ныне – «Абай») в номере № 312 и что завтра уезжает и, если сегодня вечером я принесу рукопись, то будет очень хорошо. Слава Богу, что у меня уже была рукопись, не написанная разными пастами, по пять раз зачеркнутая и перечеркнутая, а уже отпечатанная на компьютере ди-джеем «Радио Астана» Мадиной Махановой, которая из своей доброты душевной взялась мне ее привести в нормальный вид.

Вечером я шел с рукописью повести «Май 94-го» в 312 номер гостиницы «Турист» со смешанными чувствами, главным из которых было все-таки опасение... У меня было опасение, что опять прозвучит проклятое «никогда» и если не в открытой форме, то завуалированное обещаниями «позже», «потом», «возможно», «может быть»... Очень неудобно слышать слово «нет» по любому поводу и в любой ситуации, а в творческих делах слово «нет», выражающее отказ вообще приобретает эффект ядерного взрыва, произошедшего в глубине отдельно взятого организма. Почему так происходит - я не знаю, но если в обычной жизни когда вам отказывают это можно пережить послав отказывающего куда подальше, то когда ты несешь свое произведение кому-нибудь на суд, то это муки ни с чем несравнимые... Очень больно слышать про свое творение суждения различного характера и необязательно ругательные, а вообще – любые. Так и я – нес свою повесть, как мать несет своего ребенка. Ну родилось такое дите, ну немножко хромает, на один глаз косит и заикается в добавок, но ведь оно же родилось – ну что теперь сделаешь... И очень больно перекраивать произведение – все равно что резать по живому сердцу... Но я все-таки шел и такие чувства бурлили в душе моей. Не помню, как я поднялся в номер, как постучал в дверь... Помню, Роллан Шакенович сидел за столом, что-то писал, в комнате было очень накурено хорошим табаком, были раскрыты свертки – там были книги, различные номера журналов «Аманат». Я растерянно присел на предложенный мне стул и не знал что делать и что говорить – человек-то занят, работает, а тут я свою дребедень принес, то же – Достоевский нашелся... Видя мою растерянность, Роллан Шакенович – мудрый человек, сразу коротко и веско спросил: «Где повесть?», взял ее, оценивающее посмотрел на заголовок и на первую страницу, затем аккуратно положил на стопку бумаг лежащих на краю стола, деловито сказав: «Ночью читать буду»... Затем сразу спросил, читал ли я «Аманат» и, услышав мое «нет», встал из-за стола, подошел к сверткам, вытащил и протянул мне два номера. Я с благодарностью их принял и тут же собрался уходить. Роллан Шакенович меня задержал, сказав, чтобы я записал его мобильный телефон. Домой я шел пешком, но мысли мои были там, в том номере, где как, мне казалось, должно решиться мое будущее... Мне, молодому автору, было неважно, напечатают ее или нет, мне важно было другое – узнать какое впечатление производит мое творение... Ибо на тот момент единственно, что я знал, что самое главное для любого творца – чтобы твое произведение нашло отклик в человеческом сердце. Если задело душу – значит, это стоящая вещь. Если – нет, то это дерьмо – несмотря ни на какие звание и титулы.

2

После этой встречи потянулись месяцы томительного ожидания. Прошло, по-моему, три месяца, когда я решил позвонить Роллану Шакеновичу... Я набрал номер, послышались гудки и в трубке услышал голос: «Алло». Я сказал, что его беспокоит Максим Кузин.

Роллан Шакиенович переспросил: «Какой Максим»? Я ответил, что несколько месяцев назад в Астане вам дал повесть... До сих пор помню, как сразу в трубке изменился голос Роллана Шакиеновича. Из недовольного, полуофициального он превратился в обрадовано-теплый. «Айналайын, ты куда пропал? Мы тут уже два месяца назад твою вещь дали в «Аманате». Тут уже хорошую критику получили... Ты свои координаты мне не оставил, откуда я знаю, где тебя искать? А сам не звонишь... Впрочем, поздравляю тебя, брат, с первой публикацией и говорю тебе, как мне когда-то сказал Василий Макарыч Шукшин: «Молодец, имеешь право писать!»

Надо ли говорить, что творилось со мной после этого разговора? Говорят, что в одной жизни человек рождается несколько раз. Вот так я родился на этой Земле еще один раз. Я вышел на балкон и понял, что этот мир в одночасье стал другим – потому что изменился я сам. Я вдруг почувствовал, что у меня выросли крылья и, если захочу, смогу полететь куда пожелаю. Чувство безграничной свободы охватило меня – стерлись города, страны и континенты – Земля престала предо мной единой, без границ и без кучи условностей, которые человечество нагородило на ее поверхности. С того момента я начал жить, вернее, чувствовать жизнь совершенно по-другому. Наконец-то у меня появилась возможность опять начать писать и за короткий период времени у меня вдруг появились, и это было неожиданным даже для самого меня, целая куча произведений, которые бурлили во мне на протяжении ряда лет. В одночасье они сами вылились из меня, как кипящая вода вырывается из тесных стенок сосуда, стоящего на огне. После этого у меня появились и другие публикации, но их появление уже не носило столь эмоциональный характер, они уже воспринимались более сглажено, а со временем – вообще, как в порядке вещей. Но тот первый опыт навсегда врезался в мою память. Это – как первая любовь. Первые чувства всегда наиболее искренние. Как говорят, женщина в жизни любит только один раз – в первый, а все остальные любовные переживания – это притворство. Так и в творческих делах – самые первые успехи наиболее дороги и памятливы, нежели последующие – входящие в рабочий график.

Я уже упоминал, что не совсем верил Роллану Шакиеновичу – уж слишком часто и много мне приходилось сталкиваться с отрицанием моих произведений. Более того, как ни нахально это звучит – я его проверял. И когда отдавал повесть, я не сказал, о чем она и про что она, чтобы не услышать, что это-де политика и зачем она нам нужна. Внутри себя я проверял Роллана Шакиеновича – не побоится ли он? Но - нет, и когда я держал в руках номер «Аманата» с повестью «Май 94-го», как счастливый отец держит на руках своего долгожданного ребенка, то мысленно попросил прощения у Роллана Шакиеновича за недоверие, которое я не высказывал ему, но испытывал. Вот тогда я ему поверил, сразу и до конца, именно тогда Роллан-ага и стал моим учителем по жизни и в литературе. И он сразу проникся ко мне чувствами, схожими с теми, которые я испытывал к нему. Он мне как-то сказал, что когда прочитал повесть, то сразу «увидел» меня, ибо, как сказал Роллан-ага, бумага может вытерпеть все, кроме лжи. На бумаге не скроешь свою боль, разочарование и страх. Бумага это выдаст, как лакмусовая бумажка. И поэтому он мне дал всего один наказ, но который я запомнил навсегда – пиши только правду. А если не можешь писать правду – лучше вообще не пиши. Этим словам я стараюсь следовать всегда.

Публикация повести и дружба с Ролланом Шакиеновичем подарила мне еще одного человека, который стал мне старшим братом и в жизни и литературе – Марата Конурова. Именно этим двум людям я верю без тени сомнения, чтобы они ни делали и как бы они ни делали. Я знаю, что они всегда все сделают правильно, ибо слово «честь и достоинство» они всегда ставят превыше меркантильных интересов и личных амбиций.

Как-то Марат Конуров спросил меня, каким тебе видится Роллан Сейсенбаев и я, честно сказать, затруднился с ответом. С таким же успехом Марат мог спросить меня - каким тебе видится космос. Это сложный для меня вопрос, потому что одним словом нельзя обрисовать личность Роллана Сейсенбаева, его значимость для людей, для подрастающих

поколений творческой интеллигенции Казахстана, для казахской, русской и мировой литературы.

3

У каждого народа, в каждой нации есть люди, которые являются носителями духовной генетической памяти. У них в этой жизни особая миссия, важность и значение которой многие люди не понимают. Люди в обычной жизни не задаются такими сложными вопросами, как сохранить дух народа – его внутренний стержень, которые на протяжении столетий объединял различные социальные группы в единое целое, который не давал нации растечься на мелкие ручейки, самостоятельно пытающихся выживать, пробивать себе дорогу в очень агрессивной внешней среде - на гигантских пространствах Великой степи. До знакомства с Ролланом Шакеновичем я не знал и не понимал смысл и значение этого понятия – дух нации. Я судил о казахах, о казахском народе только по внешним качествам национального характера, ну отчасти – по религиозным, и не имел никакого представления о сложной, многоуровневой и многогранной философской и жизненной доктрине кочевников, отшлифовывающейся и выкристаллизовавшейся тысячелетиями. И которая выражается сейчас в различных формах в нынешних поколениях жителей Казахстана. В основе этой доктрины составляют всего два базовых понятия – дружба и взаимовыручка. Именно эти две данности и помогли выжить кочевым родам на протяжении многих тысяч лет. За это время превратились в пыль гигантские империи, внушавшие страх и ужас соседним государствам и народам своей военной, экономической и политической мощью, а кочевая цивилизация, благодаря взаимовыручке и тесным внутренним связям, выжила и сохранила свои обычаи, традиции и культуру, несмотря ни на какие превратности и извивы истории. Именно эти два качества национального характера и нашли свое яркое воплощение в произведениях, жизни и поступках Роллана Сейсенбаева. Именно умение дружить и приходить на помощь другому человеку, где бы он не находился, хоть за несколько тысяч километров, хоть на другом конце планеты, и культивирует в себе и в окружающих его людях Роллан Сейсенбаев. Когда другу плохо, не надо спрашивать почему ему плохо, а надо просто быть рядом – так учит Роллан Шакенович своих учеников и этому следует сам на протяжении всей жизни. Когда от нас ушел Чингиз Айтматов, Роллану Шакеновичу позвонили из Кыргызстана и сказали: «Роллан, ты нам нужен, поддержи нас в эту трудную минуту». Роллан Шакенович в это время был в Астане в своем 312 номере гостиницы «Абай». Он сразу же вышел из гостиницы, нанял такси и поехал в Бишкек. По дороге случилась авария, Роллана Шакеновича выбросило из машины, но он, пересев в другое такси, все-таки был в Бишкеке на церемонии прощания с великим сыном кыргызского народа. Кто так может сделать? Только Роллан Сейсенбаев. Или другой случай, который произошел в Алматы в начале 90-х годов. Роллан Сейсенбаев ранним утром прилетел из Лондона и ехал по улицам Алматы к себе домой. И вдруг в рассветный час увидел на тротуаре совершенно пустой улицы Азербайджана Мамбетова. Мастер просто стоял на тротуаре и смотрел себе под ноги. Роллан Шакенович долгое время был за границей и не знал, что Азербайджан Мамбетов в то время в одиночку вступил в неравный бой со всем миром, его окружившим. Почувствовав неладное, Роллан Шакенович остановил машину. Узнав, что происходит в жизни Азербайджана Мадиевича, Роллан Шакенович в этот же день отправил его на полгода в Лондон, чтобы улеглись страсти вокруг личности Азербайджана Мамбетова и в нем самом. И таких случаев были сотни, если не тысячи. Умение дружить – это не только целое искусство, но и тяжелый труд. «Дружба – это понятие круглосуточное» - неустанно повторяет Роллан-ага. Накануне юбилея Олжасу Сулейменову было очень одиноко. В то время, когда Алматы и вся страна готовились отметить его юбилейную дату, сам Олжас Омарович пребывал в тяжком одиночестве, заново переосмысливая всю свою жизнь. Он позвонил Роллану Шакеновичу и сказал: «Роллан, побудь со мной все это время». Роллан Сейсенбаев только вернулся в Алматы из

своего очередного многонедельного путешествия по городам и весям страны, он только успел заехать в редакцию, подписать к печати очередной номер «Аманата», как раздался звонок от мастера. Быстро подписав номер, бросив чемодан в редакции, и больше ни о чем не спрашивая, Роллан Шакенович поехал поддержать старшего товарища. Кстати, как нужно уважать старших Роллан Сейсенбаев тоже учит на своем примере – на своем отношении к Олжасу Сулейменову.

Как сам говорит Роллан Сейсенбаев, он воспитан в духе самых высоких идеалов казахской нации, которые в свое время сформулировали его предки – Абай Кунанбаев и Шакарим Кудайбердиев. Поэтому с детства он привык к очень высоким жизненным стандартам – привык во всем доходить до предельной глубины, или, если хотите, – высоты.

4

Но все-таки я назвал бы личность Роллана Шакеновича трагической... Потому что он в своей жизни и творчестве именно так и формулирует свое кредо: взять на себя всю боль Земли, облегчить страдания планеты и все тех, кто на ней живет. Меня всегда поражало, его способность так чутко реагировать на несправедливость, в каком бы месте и форме она не проявлялась бы. И Роллан Шакенович умеет очень быстро пресечь любое проявление хамства, неуважения, пренебрежения к кому бы-то ни было.

Взвалить на себя все беды Земли – эта задача под силу только истинным титанам духа. Это очень тяжело. Безумно тяжело. Тяжело не сколько морально, но даже физически. В такие минуты Роллан-ага закрывается ото всех, допуская к себе только весьма ограниченное количество людей – только Марата Конурова и меня.

Как учил меня Роллан Шакенович, настоящий писатель должен иметь силы и мужество для того, чтобы взять всю боль своей земли и народа, вложить ее в себя, в свои произведения. Писатель должен писать так, чтобы этот мир освободился от боли, разочарований и несправедливости, и тогда он станет немного чище и лучше.

Марат Конуров мне много раз говорил, чтобы я после встреч и бесед с Ролланом Шакеновичем делал записи, которые потом будут бесценны. Как говорит Марат, он бы сам это делал, но перед ним Роллан-ага так не раскрывается, как передо мной. Я никогда не спорю с Ролланом Сейсенбаевым. Потому что спорить могут только те люди, которые имеют четко выраженную и аргументированную позицию по отношению к чему или к кому-либо. А я прекрасно осознаю масштаб личности Роллана Шакеновича и знаю, что мы отличаемся друг от друга уровнями мышления. И поэтому в каждую нашу встречу Роллан Шакенович проводит со мной беседы, которые призваны расширить мое сознание. Учитель учит смотреть на вещи более широко, чем я привык это делать и после таких бесед я очень часто ловил себя на мысли, что на какие-то вещи уже смотрю совершенно другими глазами.

Удивительное дело, хотя Роллан Шакенович среднего роста, но всегда создается впечатление, что он даже физически выше на голову самого высокого собеседника. Он умеет найти общий язык почти со всеми, если, конечно, сам этого захочет. Для Роллана Шакеновича нет большой разницы – кто в данный момент его собеседник: министр, посол иностранного государства, таксист или носильщик на вокзале. Ко всем у него одинаково уважительное отношение. Люди это чувствуют и сами тянутся к нему открыть свою душу. Хотя иногда широкая любовь и признательность становятся в тягость – когда Роллан Шакенович приезжает в Астану, то в отдельные дни поток посетителей, тянувшихся к нему, не прекращается даже далеко за полночь. Но что меня поражает, так это как безропотно Роллан Сейсенбаев принимает гостей и порой часами вынужден слушать про их беды, проблемы и семейные неурядицы, реальные и вымышленные. Люди рады открыть свою душу, но туда порой не хочется глядеть. Но деваться некуда – это тоже часть большой любви и это тоже приходится терпеть. Однажды Роллан Шакенович

рассказал, как Шукшин, с которым он знаком лично, демонстрировал народу свою любовь. Иногда он выходил из дома, останавливал любого московского таксиста и просил ему привезти водки. Напомню, кто были такие и что из себя представляли в те годы московские таксисты. Среди них случайных людей не было. Можно смело сказать, что это были самые ушлые люди во всем Советском Союзе. Они все знали друг друга в лицо, и их сплоченности мог бы позавидовать даже нынешний спецназ. Так вот, Шукшин выходил на улицу и просил любого таксиста привезти ему выпить. Через полчаса у Василия Макаровича перед дверью стоял ящик водки. Все таксисты в Москве знали, как любил гулять Шукшин. Отгуляв, Шукшин также выходил на улицу, останавливал любого таксиста и отдавал деньги за водку. И он мог быть всегда уверенным, что деньги дойдут точно по адресату. Однажды тогда еще молодой писатель Роллан Сейсенбаев спросил у Шукшина – зачем так много водки привозят таксисты и зачем вы у них просите. На что Василий Макарович ответил, что он очень любит народ и знает, что народ тоже любит его. Но любовь никогда не должна быть безответной. Время от времени ее нужно демонстрировать. И когда он просит людей об услуге, то люди понимают, что они нужны ему, что они так или иначе востребованы. Народу нужны легенды, говорил Шукшин. Кстати, это его уменьшительно-ласкательное имя «Василь Макарыч» - это тоже появилось с легкой руки московских таксистов. И до сих пор ходят по Москве рассказы о шукшинских загулах, когда он собирал всю таксомоторную братию на шашлыки где-нибудь на лесной поляне и шашлыки там жарились по несколько дней.

Таких историй, поучительных и просто интересных из жизни великих и уже ушедших людей, Роллан Сейсенбаев знает множество. Обычно Роллан Шакинович в дни своего очередного визита в Астану всегда очень загружен встречами с самыми разными людьми. Но иногда, когда все дела сделаны и появляется несколько часов свободного времени, и тогда мы с ним пешком ходим по улицам Астаны. И вот в каком-нибудь ресторанчике Роллан Шакинович начинает вспоминать различные эпизоды из своей жизни. И это – самое лучшее время в моей жизни. Сотни личностей, которые оставили свой след в литературе и истории, оживают в этих рассказах, их образы наливаются живой силой, расцветаются новыми красками и после очередного рассказа на многих людей, уже давно известных мне, я начинаю смотреть совершенно другими глазами. Я много раз просил Роллана Шакиновича записывать эти рассказы на бумагу, но он только отмахивается – сейчас некогда... А эти рассказы удивительны.

В этом и заключается ценность Роллана Сейсенбаева, для нас – молодых людей, пытающихся стать литераторами. Роллан Шакинович – это связующее звено между современной литературой Казахстана и предыдущими поколениями творцов. Это очень важное и необходимое звено. Без него прервется связь поколений, прервется цепь преемственности и традиций, которые закладывались и культивировались десятилетиями напряженного труда большого количества людей, жертвовавших ради листа бумаги своей свободой и даже жизнью. Я очень ценю общение с Ролланом Шакиновичем и когда он приезжает в Астану, пытаюсь переотложить все свои текущие дела для того, чтобы быть рядом с ним.

Я благодарен Роллану Шакиновичу за знакомство с Анатолием Кимом. Эта удивительная встреча состоялась в первые годы этого века в одном из ресторанов Астаны. Он тогда назывался «Скрипка Страдивари», а сейчас носит другое название. Был конец сентября, на улице уже темнело. Машины носились по проспекту Республики, но окно приглушало звуки. Лишь множество маленьких огоньков, пронесившихся в синих сумерках, показывали градус кипения жизни на самой оживленной улице столицы. В самом ресторане струилась тихая музыка, ненавязчиво обрамлявшая спокойную неторопливую речь Анатолий Кима, который буквально за пятнадцать минут дал мне все знания, который дает Литературный институт и Высшие литературные курсы в придачу. Эта встреча стала поворотной в моей жизни и творческой биографии – наконец-то я понял, что должен писать и как должен писать. Ибо Анатолий Ким буквально в нескольких словах

объяснил, в чем заключается концептуальное различие между русской литературой и литературами других стран и народов. Так опять Роллан Шакенович принял самое горячее участие в моей судьбе, ибо та памятная встреча с Анатолием Кимом случилась благодаря именно ему.

5

Отдельно нужно сказать про уроки Роллана Сейсенбаева. Роллан-ага - мудрый учитель, который учит, по сути, ничему не уча. Когда я в самом начале нашего знакомства пытался у него выяснить его мнение о своей повести, он меня спросил: «Ты сам чувствуешь, где у тебя слабые места?» Я ответил, что чувствую. Тогда он просто сказал, чтобы я их сам и исправил. Это, на первый взгляд, пустячное событие, тем не менее, меня научило многому. Работать до конца, шлифовать и полировать до бесконечности. До тех пор, пока не к чему будет самому придаться. Это меня научило и тому, что я и только я ответствен за судьбу своего произведения. От его создания, до оформления, от изготовления книги и журнала до его реализации.

Да, говорил Роллан Шакенович, сейчас трудное время для литературы и для литераторов. Время трудное, но жесткое и справедливое. Сейчас сломан конвейер советского книжного производства, но зато не довлеет идеологический пресс, дающий свободу творцам и литература очистилась от пены и шушеры, которой в советское время в литературе было полным полно. Сейчас в литературе остались только люди, для которых не писать невозможно. Для которых невозможно таить в себе слова и образы, которые сами просятся на бумагу. «Пусть сейчас литература не кормит писателя и поэта, каждый должен пытаться как-то выживать в этом мире, занимаясь другой деятельностью, но я уверен, что именно сейчас в это время закладывается будущее казахстанской литературы. Произведения, которые создаются сейчас – они честные, лишены конъюнктурности, и я уверен, что именно по ним наши потомки будут судить о нас, живших на рубеже эпох, столетий и тысячелетий», - однажды раздумчиво сказал во время наших бесед Роллан-ага. Это было в самом начале нашего знакомства в самом начале третьего тысячелетия. И это стало жизненным и литературным кредо Роллана Сейсенбаева, которому он следует и по сей день: поиск и поддержка молодых талантливых писателей и поэтов. И даже в ущерб собственному творчеству, потому что, прочитывая десятки чужих произведений, совершенно не остается времени на свои. И это труд поистине титанический – республиканский журнал литературы народов мира «Аманат» редактируют и издают буквально два человека – Роллан Шакенович и его супруга Клара Тулеевна Серикбаева. Иногда это сильно выводит из себя Роллана Шакеновича. Он не раз говорил, вот бросить бы все, уехать куда-нибудь, отключить все телефоны, спокойно сесть за стол и писать, писать, писать...

Но раз за разом эти слова остаются его несбыточной мечтой. И, в основном, потому что его неблагодарную работу по поиску и опубликованию произведений молодых литераторов в Казахстане больше делать некому. Литературных журналов в стране можно пересчитать по пальцам, а те, которые существуют, отнюдь не горят желанием возиться с молодыми авторами. По большей части, творения ребят, делающих свои первые шаги в литературе, еще очень и очень сырые и чтобы довести их до ума – до вида и формы, достойной публикации в престижном литературном журнале, каковым является «Аманат», нужно затратить очень много времени для редакторской работы. А вот с литературными редакторами в Казахстане – великая проблема. Не надо путать должность главного редактора с работой, которую должен выполнять редактор, да к тому же – главный. К сожалению, в наших реалиях люди более предпочитают занимать должность, чем работать редактором. И дело даже не в желании, а в отсутствии необходимой квалификации и таланта. Потому что быть редактором – для этого тоже нужно иметь

талант и призвание...

Отсутствие возможности печататься в настоящих литературных журналах побуждает молодых авторов использовать другие механизмы для публикаций своих произведений. Сейчас большую популярность приобрели интернет-ресурсы, на которых можно разместить свои повести, рассказы и стихи. Но их доступность и отсутствие аргументированной, взвешенной критики развращает молодых авторов, приучает их не обращать внимание на шероховатости, которые, конечно же, будут присутствовать в первых произведениях любого автора вне зависимости от степени одаренности – как синтаксического, так и семантического характера. Но из этих недостатков складывается общая картина и впечатление от произведения и автора. Это приводит к тому, что с течением времени небрежность изложения и ограниченный лексикон, молодежь возводит в свой стиль и менять его, учиться писать и излагать свою мысль правильно, для многих молодых авторов становится практически невозможным. Это тоже самое, что привыкнуть ходить на одной ноге и изо всех сил сопротивляться обучению передвигаться нормально, как все люди – на двух ногах... И это сейчас стало большой проблемой в казахстанской литературе – наличие среди творческой молодежи большого количества графоманов и рифмоплетов, получивших опыт интернет-публикаций, захваленных такими же графоманами и рифмоплетами и абсолютно не желающих совершенствоваться. Вот именно с этим, с таким подходом и отношением к литературе и поэзии и приходится бороться Роллану Шакеновичу. Большую часть своего времени ему приходится заниматься культивированием среди молодых поколений казахстанских литераторов тех идеалов и традиций, которые установили поэты и писатели, ставшие классикой казахской, казахстанской, советской и мировой литературы.

6

Преемственность традиций, связь поколений между современными авторами и классиками не должна быть нарушена. И вот это и не дает Роллану Шакеновичу уйти, погрузиться в свое творчество... Никто в Казахстане кроме него не может выполнить эту работу, неблагодарную, незаметную для абсолютного большинства литературной и читательской общественности. Я не случайно это подчеркнул – никто. Да, действительно – никто. Потому что у нас очень мало писателей и поэтов, сумевших добиться международного признания, а из тех кто есть – они почему-то не хотят тратить свое время на горячую и амбициозную молодежь.

Но за то те считанные молодые писатели и поэты, которым посчастливилось пройти школу Роллана Сейсенбаева, сейчас с гордостью называют его своим Учителем. И я тоже горд, что принадлежу к их числу.

Очень часто, когда удается встретиться Роллану Сейсенбаеву и Марату Конурову, именно это тема служит им своеобразной выхлопной трубой для накопившихся эмоций – уехать куда-нибудь в глухой аул, пасти баранов, сидеть в юрте, спокойно заниматься любимым делом – создавать образы новых героев, наделять их чертами характера, расписывать их чувствами, эмоциями, создавать для них целые миры, а потом, в перерывах, с высокого холма смотреть на небо, на степь, наслаждаться восходами и закатами... Вот так посидят они, помечтают, но потом все возвращается на свои места. Марат уезжает на какой-нибудь международный кинофестиваль, а Роллан Шакенович опять включается в работу над выходом очередного номера «Аманата», на бесконечные деловые встречи, в общение с гигантским количеством людей и мечты и намерения о глухом ауле, баранах, о восходах и закатах откладываются до их следующей встречи.

7

Надо отметить то особое отношение, которое Роллан Шакенович испытывает к людям,

встречающимся ему на пути. Роллан Сейсенбаев умеет слушать людей, и только потом давать им оценки. И своих учеников он учит избегать привычки оценивать людей по первому взгляду, клеить ярлыки. «Каждый человек – это как книга, просто ее нужно уметь читать», - говорит Роллан Шакенович.

Роллан-ага очень чуток и внимателен, но есть человек, к которому он испытывает особые чувства. Это внук Назар. Очень любопытно наблюдать взаимоотношения двух людей: маститого писателя и мальчика-подростка. В них кроме любви, которая свойственна всем людям, объединенным родственными связями, есть чувства, отличающие и выделяющие взаимоотношения Роллана Шакеновича и Назара. Это взаимоуважение и какая-то особая почтительность, которая особенно заметна при разговоре. Это не взаимоотношения дедушки и внука, нет. Это взаимоотношения двух личностей, двух характеров, которые умеют объективно оценивать друг друга и уважают друг друга не только потому что так сложилась судьба и от этого никуда не деться, а за вполне четко определенные черты характера, действия и поступки. Это не взаимоотношения дедушки и внука, а настоящая мужская дружба, которая, к сожалению, так редко можно увидеть сегодня, и почти никогда – между родственниками. Это еще взаимоотношения между старшим и младшим, когда пытливість ума Назара, выражающаяся в многочисленных вопросах, компенсируется безграничным терпением Роллана Шакеновича, без усталости, серьезно и подробно, отвечающего на все вопросы, заданные Назаром.

Часто Роллан Шакенович берет Назара в свои путешествия по стране и по миру. И заметно, что они уже давно научились понимать друг друга без слов. Но при этом в их отношениях отсутствует фамильярность, которая возникает при долгом и близком общении и очень немногие могут избежать риска заболеть ею, привнести во взаимоотношения эту поверхностную легкость. Нет, несмотря ни на что – родственные связи, разницу в возрасте, в развитии, в характере и менталитете - отношения Роллана Шакеновича и Назара по-прежнему сохраняют ровность и глубину.

Когда Роллан Шакенович рассказывает другим людям о Назаре, он всегда говорит очень серьезно и раздумчиво.

И только однажды Роллан-ага сказал, почему он так относится к своему внуку.

«Я хочу, чтобы он научился понимать эту жизнь, как меня научил отец. Как моего отца научил дед, как деда – прадед. Связь поколений не должна прерываться. Для меня очень важно, как сложится его жизненный путь, я не хочу, чтобы он шел по моим следам.

Совершенно неважно, будет ли он писателем или выберет свою дорогу в этой жизни. Моя задача – привить ему понимание личной ответственности за судьбу семьи, народа, страны.

Если мы не будем любить свою страну, народ, историю и культуру – то что тогда будет?

Кроме нас, наша страна и культура больше никому не нужны», - сказал однажды Роллан Шакенович и только тогда мне стало понятна вся глубина взаимоотношений между маститым писателем и мальчиком-подростком.

8

Но больше всего мне запомнился день, который, я на это надеюсь и в этом уверен, навсегда останется в моей памяти. Это было в преддверии празднования десятилетия Астаны, в один из выходных дней. Роллан Шакенович пригласил погулять по городу молодого поэта Дархана Билялова и меня. Мы прошли по улицам Астаны, через мост перешли Ишим и долго сидели в одном из парковых кафе. О чем-то долго говорили... Удивительно, как могут общаться творческие люди – каждый в принципе говорит только о своем – что его гложет, беспокоит или интересует, но при этом каждый умудряется оставаться в общей канве беседы, не выпадая из нее и не разрушая общий эмоциональный настрой. А атмосфера была такая: выходной день, наконец-то кончилась очередная суматошная неделя, которая была посвящена подготовке празднования десятилетия Астаны. Это означает, что все заняты решением каких-то дел и вопросов, причем делать их нужно было одновременно, ни от кого ничего внятного не дождешься и чтобы

привлечь к себе внимание человека, чтобы он вник в суть твоего дела – это было нужно очень и очень постараться... Естественно, все это проходило сквозь ругань, долгое ожидание и нервы, но в тот раз, наверное, Всевышний решил дать отдохнуть людям и ниспослал на Астану самое что есть идиллическое настроение и погоду... Было тепло, но не жарко. Солнце светило, а не палило... Люди гуляли с детишками, влюбленные держались за руки, а мы втроем сидели в кафе и разговаривали... Потом вышли на набережную как раз там, где качались на мелкой ишимской волне катамараны. Роллан Шакенович вдруг загорелся переправиться на правый берег на катамаране. Парень, сдающий катамараны в прокат, согласился нам помочь и через минуту мы уже пересекали Ишим с помощью своих ног – мне доверили крутить педали... Мы вышли на набережную, катамаран отчалил в обратный путь, а мы по предложению Роллана Шакеновича тут же уселись на набережную и молча принялись внимать окружающей прелести... Заходящее солнце медленно уходило за комплекс «Арман», конические башни которого в народе прозвали «Кукурузой». Но тогда в лучах заходящего солнца башни не были похожи на кукурузные початки – лучи солнца скрадывали формы, превращая их в башни сказочного замка... За спиной на набережной, за черным кованым ограждением покойно струилась жизнь: было слышно как мирно переговаривались проходившие люди, слышался детский смех, почти под ногами журчали речные волны, и нам было хорошо молча сидеть на нагретых плитах набережного склона, курить и смотреть на этот мир. Так редко бывает, тогда думал я, что трем людям так хорошо друг с другом... Наверное, потому что мы так редко встречаемся, наверное, потому что мыслим одними категориями и у нас одни и те же ценности... Мы сидели и молчали довольно долго – солнце уже почти успело скрыться за многоэтажными зданиями, на нас напозла вечерняя тень и тогда я сказал: «Хорошее название для окончания дня – «Вечер хорошего дня»». Роллан-ага и Дархан молча улыбнулись и согласно кивнули головами... Потом понемногу начал завязываться разговор, но в форме монологов – Дархан начал вспоминать стихи, Роллан Шакенович вслух начинал перечислять что ему предстоит сделать, а я сидел, слушал их и думал: что этот момент надо запомнить, потому что так редко сходится все сходится воедино – люди, природа, атмосфера и созвучие человеческих душ... Потому что это редко бывает с нами – ощущать полноту бытия в такой степени – так хорошо, наверное, бывает только в раю. Звуки, запахи и чувства сошлись воедино – и вот она, гармония бытия...

9

Трудно говорить о Роллане Сейсенбаеве. Мне трудно коротко говорить о нем. Это такая же трудная задача, как в трех словах изобразить Вселенную. Роллан Сейсенбаев помимо других многочисленных талантов обладает удивительнейшим даром — он умеет зажигать человеческие сердца. Жаром своего сердца, своего творчества. Роллан Шакенович — мой учитель. Я бесконечно благодарен ему за то, что он дал моей душе крылья и научил ее летать. Он не торопясь, исподволь, учил меня понимать этот мир и литературу. Как истинный учитель, Роллан Шакенович говорил мне только правду, избавляя меня от не нужных иллюзий: «Белый лист бумаги перед тобой — это как чистая совесть. И только от тебя зависит, что будет запечатлено на нем. Подумай несколько раз перед тем, что что-либо написать, а стоит лишний раз пачкать бумагу? Литература — это ослиный труд, и никогда не ожидай награды за сделанное тобой. Пиши так, чтобы потом тебе не было стыдно ни за одно слово. Помни, что твое единственное достояние — это твое имя. Ты можешь не беречь себя, но всегда должен беречь свое имя». Эти слова навсегда врезались в мою память, и теперь я всегда поступаю так, как говорил мне мой Учитель. Он научил меня подавлять свои амбиции и боль, чтобы это никоим образом не читалось в создаваемых произведениях. От своего Учителя я уяснил, что не имею никакого права навязывать читателю свою точку зрения, а должен сделать так, чтобы он смог сам понять что есть «хорошо», а что есть «плохо». Что я должен любить своего

читателя и всегда оставлять ему право выбора. Один раз он мне преподал хороший урок писательского мастерства. Я как-то спросил мнение Роллана Шакеновича по поводу одного своего сочинения. Он меня спросил: «Ты сам чувствуешь, где есть слабые места?». Я ответил: «Да». Тогда он сказал: «Ну, если сам чувствуешь, тогда над этими местами и поработай. Запомни, за тебя никто и ничего делать не будет». Я хорошо запомнил один случай, который, как мне кажется, лучше всего характеризует Роллана Сейсенбаева, его натуру, отношение к окружающему миру. Как-то я начал выговаривать Учителю (Роллан Шакенович меня любит и иногда предоставляет это право), что он много времени проводит в поездках по стране, а уже возраст и надо бы побережь себя. Учитель сидел спокойно и, как казалось, вообще никак не воспринимал мои слова, но потом взглянул как-то по-особому и веско сказал: «Я — номад. Я — кочевник. Дорога — это моя жизнь». И больше он не сказал ничего. Но смысл его слов во всей полноте и глубине дошел до меня много позже. Действительно, что может быть прекрасней дороги, уничтожающей вечные сумерки будней. Дороги, пробуждающую душу от сна обычной жизни. Впереди снова путь, опять радостно в груди стучит сердце, и ты забываешь все, даже как зовут самого себя. И я понял, как важно не «обрастать мхом» бытовых, суетных дел. Ведь только в дороге сохраняется ясный взгляд на этот постоянно меняющийся мир, на те процессы, которые в нем происходят. Встречи, случающиеся в пути, привносят в душу новые знания, эмоции, мысли, сюжеты и, может, поэтому так любит Роллан Шакенович путешествовать. Глубина и ширь натуры Роллана Сейсенбаева сродни океану. Многим непонятны мысли и поступки Роллана Шакеновича, но ведь океан тоже не обязан ни перед кем отчитываться, почему он иногда волнуется, а иногда пребывает, как кажется, в праздном бездействии. Обсуждать поведение океана имеет право только тот, кто равен ему по величию и мощи, кто живет такой же жизнью. Остальные же — только создают слухи, сплетни и легенды. Мне повезло, что я встретился с Ролланом Сейсенбаевым. Не будь этой встречи, кто знает, как в дальнейшем сложился мой жизненный путь. Без сомнения, благодаря ему я обрел свое истинное «я». Надо ли к этому прибавлять еще что-нибудь? Мне думается, не стоит...

10

Говорят, человека нужно узнавать по послевкусию, как вино... Какое впечатление остается от человека — значит, это такой человек. После Роллана Шакеновича всегда остается особый, ни с чем не сравнимый аромат. А после вечера хорошего дня мне хотелось бы, чтобы у меня впечатления, полученные на склоне набережной Ишима, всегда ассоциировались с Ролланом Шакеновичем — как мир, полный звуков, запахов и красок, сливающихся и дополняющих друг друга, дарящих нам картину жизни такой, какой задумал ее Создатель — чистой и непорочной, лишенной боли, неудовлетворенности и нереализованных амбиций.

Так и у меня — когда я задумывал, как лучше обрисовать личность Роллана Сейсенбаева, то ранее намеченный замысел начал меняться самостоятельно, мне же оставалось за ним просто следовать. А потом пришло понимание — последнюю точку в рассказе о Роллане Сейсенбаеве ставить еще рано. И должен это сделать не я, а тот, кто будет жить после нас. У кого на это хватит сил, мужества и дерзости. А я могу после себя в этом рассказе оставить только многоточие... Жизнь — продолжается!